

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №2, Том 11 / 2020, No 2, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Болдырева С.М. Фольклорные и псевдофольклорные антропонимы и их роль в произведениях М. Семеновой // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Boldyreva S.M. (2020). Folklore and pseudo-folklore anthroponyms and their role in the novels of M. Semenova. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK220.pdf> (in Russian)

Статья написана только для публикации к защите диссертации

УДК 801.8

Болдырева София Михайловна

МБОУ «Лицей №9» города Белгорода, Белгород, Россия

Учитель русского языка и литературы

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия

«Историко-филологический» факультет

Кафедра «Филологии»

Магистр (44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа – Языковое образование)

E-mail: sofkasov@yandex.ru

Фольклорные и псевдофольклорные антропонимы и их роль в произведениях М. Семеновой

Аннотация. Данная статья является частью диссертационного исследования и посвящена анализу фольклорных и псевдофольклорных антропонимов, которые функционируют в произведениях «Тот, кого я всегда жду...» и «Волкодав» М. Семеновой и др. Анализ собранного языкового материала романа предполагает, что данные языковые единицы также репрезентируют языковую картину мира автора, выполняя роль стилиобразующего фактора. Мария Семёнова, создавая свои романы в абсолютно новом поджанре под названием «славянское фэнтези», в процессе речетворчества активно использует стилизованные под древнерусские антропонимы, что дает возможность читателю прочувствовать всё богатство русского национального языка.

В романах М. Семеновой показана жизнь людей в их постоянном общении между собой, с природой и т. п. Родовые имена, используемые в описываемый автором период, являлись характеристикой человека долгое время. Автор не теряет этой традиции, это отражается на выборе лексических средств. Антропонимика весьма обширна, включает в себя стилизованные имена собственные периода Древней Руси.

Также мы выделили две группы антропонимов, используемых автором в своих произведениях: славянские и иноязычные. Так, в романе «Тот, кого я всегда жду» из общего количества антропонимов (42 имени) славянские имена (древние языческие: Ждан, Желан т. п., а также псевдофольклорные, построенные автором по образцу фольклорных имен: Нежата, Велета и др.) составили 33 единицы, а иноязычные – 9 номинант. При этом немногочисленные иноязычные имена представляют собой группу антропонимов, репрезентирующих по преимуществу прошлое героев, которые в «новой» жизни выбирают себе новые – славянские – имена. Помимо того, мы зафиксировали 9 славянских теонимов.

Ключевые слова: народно-поэтическая лексика; языковая картина мира; псевдофольклорная лексика; псевдофольклорные антропонимы; антропонимика; фольклор; стилизация; М. Семенова; славянское фэнтези

В последние годы в сфере изучения современной науки выдвигается на первый план антропоцентрический подход к изучению любого явления. В центре исследовательской мысли находится человек и его личностные ориентиры. При создании концепции языковой картины мира романов М. Семеновой очень важно обратить внимание на имена героев.

Долгое время основным термином, который использовался для обозначения имён собственных в художественном тексте, являлся термин «литературный антропоним», который включал в себя комплекс всех имён, которые использует автор в тексте [1].

А вот Карпенко М.В. называла этим термином лишь имена собственные, которые являются плодом воображения автора, то есть имеют окказиональные корни, исключая все имена реальных исторических деятелей, которые используют в текстах в качестве персонажей [2]. Позже литературными антропонимами всё-таки стали называть имена всех героев в произведении вне зависимости от их происхождения.

Литературная антропонимика в любом произведении является неотъемлемой частью художественного замысла автора, элементом художественной системы текста. Имя персонажа – ключ к его подсознанию, пониманию характера.

Во все времена на Руси, как мы знаем, имени человека уделяли особое внимание. Предки верили, что имя – есть путь к человеческой душе. Если кто-то вне семьи знал истинное имя человека, дающееся при рождении или обряде инициации, то мог навредить ему, приворожить или заставить подчиняться.

Так, по утверждению С.А. Кошарной, «в мифологическом мышлении неотчетливо разделяются реалья и ее имя, вещь и ее атрибут (например, атрибуты времени и пространства трансформировались в их содержание), происхождение, сущность и именование, что обусловило сакрализацию слова-имени»[3].

«Способность имен естественных реалий вызывать образ предмета объясняет суеверие, согласно которому даже непризывно произнесенным именем можно накликасть его носителя, суеверие, повлекшее за собой табуирование имен «исчадий» природы и человеческой фантазии» [4].

В архаичных традициях (например, в индийской) ритуал, связанный с рождением, состоит обычно из ряда «под-ритуалов» (один из них – зарождение разума, мудрости как способности *познания*), последним из которых является *имянаречение*, *имяположение*. Новорожденного рассматривают и по разным признакам пытаются угадать, узнать его подлинное имя, поскольку оно составляет суть человека, а потому оно хранится в тайне, его знают только родители [5].

И в этом ключе *имя* рассматривалось как *знак*, *символический заместитель* объекта. Именно поэтому большинству людей дарилось два имени: одно – истинное и тайное, а второе являлось тайным, озвучивалось оно только близким людям. Любое имя имеет свою историю. Оно создается при помощи человеческой фантазии, становится популярными, исчезает и, нередко, снова возвращается к жизни.

В романе М. Семёновой «Валькирия» присутствует немалое количество исконно русских имён, история которых уходит глубоко корнями в историю нашего народа и его языка.

Антропонимы запечатлеют образцы наличия веры, ценности чувств, морально-нравственные качества, жизненные приоритеты [6].

Большинство этих имен канули в лету после крещения Руси, но сама традиция осмысленного именованья осталась [7]. Так, человек, который получал имя святого, обретал не только его покровительство, но и благодатную близость к нему: «По имени – и житие».

М. Семенова предлагает нам в своих романах, помимо реально существовавшей древнерусской, и условную антропониимику, а также стилизованный под «сказ» язык национального героя, помещенного в универсальное мифологическое пространство.

Такие искусственно созданные автором имена мы можем назвать *псевдофольклорными антропонимами*, так как при всей своей искусственности они построены по модели, по образцу фольклорных антропонимов.

Их употребление в одном ряду с реально существовавшими именами снимает с авторских номинаций налет искусственности. Чем больше автор использует подобных имён, тем более достоверным нам кажется история жизни героев.

Описываемый автором период (VIII–IX вв. нашей эры) богат на такие имена, как *Бренн, Ждан, Желан, Славомир, Ярун, Нежата* и др. [8].

И здесь можно ошибиться и решить, что это не имена, а прозвища. Но мы, как филологи, знаем, что никакой разницы между именем и прозвищем на Руси не было. Окружающий мир язычникам-славянам чудился одушевленным, а предметы этого мира обладали для них особыми свойствами, а потому в качестве личных имен использовали не только имена богов, качества людей, именованья времен года, но и названия птиц, элементов флоры и фауны, различных предметов: *Береза, Волк, Медведь* и проч.

Мария Семёнова в своих произведениях использует и реально существовавшие «говорящие» антропонимы, а устами её героев эти имена обосновываются для читателя.

Являясь независимыми, они несут значение самого субстантива в смысловое поле восприятия, чем соединяют традиции прозвищ глубокого прошлого и традицию использования говорящих имён, используемую с начала XIX века [9]. Их функция – показать принадлежность героя к определённому роду, подчеркнуть качества персонажа, выявить яркие отличия его характера.

Так, в романе «Валькирия» первой появляется героиня *Зима Желановна*. Сама она не единожды отмечает, что нарекли её из-за зимней лютой ночи, в которую она родилась:

*«А стояла тогда, сказывали, зима. Страшноватая ночь и огромные заснеженные ели почти доставали луну, а зеленые звезды мерцали и прятались – с моря надвигалась метель».*¹

О своём имени героиня говорит просто:

*«Вот и назвали меня без большой затеи – Зима. Зимушка да Зимушка, пока бегала по двору в рубашонке. Рубаху сняла, Зимкой начали кликать».*²

Детей, как мы уже отмечали, называли и по отношению к появлению ребенка в семье, по тем чувствам и эмоциям, которые проявляли члены семьи при появлении на свет нового человека. Автор придерживается этой традиции. Героиня по имени Зима подтверждает данный факт рассказом о своём родителе *Желане* и дядюшке, при этом она эмоционально утверждает:

¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 9.

² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 9.

«Всем хороши удались сынки, и как не удался с такими-то именами: **Ждан да Желан!**»³

В словаре личных имен мы находим данные имена: *Ждан* – «тот, кого ожидали», *Желан* – «тот, кого желали».⁴

Любимый дедушка, от которого Зима унаследовала почти богатырскую силу, получил в народе имя *Мал* за свой небольшой рост, но одно событие изменило всю его жизнь:

«*Был ещё дедушка Мал, прозванный за непомерную силу Ломком. Однажды в малиннике поднялся на него свирепый медведь; не растерялся дедушка, ответил объятием на объятие и палкой, сжатой в руках, переломил мохнатую спину, раздавил жирный загривок...*».⁵

Как мы видим, здесь автор опирается на фольклорную традицию именования людей по качествам характера и физическим свойствам.

Данное имя можно назвать псевдофольклорным, так как ни в одном из словарей найти его не представляется возможным, но всё же в древней рукописи «Начальная русская летопись» мы находим единичный случай. Отмечается, что вождя восточнославянского племени звали *Мал* [10]. Имя князя было очень краткой, но весьма многозначительной характеристикой. Имя кажется нам смешным, но тысячу лет тому назад никто и в голову не пускал мысли о том, что такое именование – это посягательство на княжеское достоинство, поскольку имена-характеристики по внешним признакам были обычным явлением и воспринимались как норма.

Развлекая детей сказками, которые она именует *баснями* (от *баснь* – попутно заметим, что это слово создано также по фольклорному образцу, ср.: *песнь*), Зима повествует об одной героической девочке:

«*Жила-была девка, – тихонечко повела я дедушкину любимую баснь. – Звали её Пригляда. А была Пригляда красавица...*».⁶

Как видим, это псевдофольклорное имя автор дает девочке из-за своей природной красоты, от того, что «каждому она приглянуться могла». В словаре трилогии «Государева Вотчина» мы находим слово *пригляда* в значении «приглянуться, понравиться, быть в пригляде»:

«*Не пужайся. Не от лесного зверя бежишь. В пригляду ты мне, красавица!*»⁷

Сестра *Белёна* (в словарях отсутствует) также имеет имя, соответствующее её внешности и поведению, имя созвучно существительному «белоручка» – человек, который чуждается физической или вообще трудной работы⁸. *Белёна*, младшая сестра, всегда была назойливой и не по годам охочей до развлечений, но очень ленивой:

³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 8.

⁴ Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен. – М.: Русский язык, 1980. – 384 с., с. 146.

⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 8.

⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 42.

⁷ Бондаренко, А.М. Историко-лингвистический словарь трилогии "Государева вотчина" / [Б.Я. Шарифуллин]; Федеральное агентство по образованию, Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск: СФУ, 2007. – 338 с., с. 230.

⁸ Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23 – е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с., 121 с.

«Пусть **Белёна** хозяйничает, ничего, ручки не отсохнут».⁹

Задиристый и игривый жених по имени *Соболёк*, который впоследствии женится на *Белёне*, ведёт себя как животное, в честь которого его назвали, имеет такой же характер:

«Тут при мне **Соболек**, ну... который лаял тебя. Прощения просит».¹⁰

Также в романе мы встречаем двух братьев, изначально имеющих варяжские имена. Данные антропонимы – *Бренн* и *Якко* – имеют исторические корни: *Бренн* – «вождь», *Якко* – «правитель». С приходом на территории славян они взяли себе новые имена: *Мстивой* *Ломаный* и *Славомир*. Их сестра *Велета* не меняет своего имени, так как мало контактирует с окружающими.

Имя вождя *Бренн* не обнаружено нами в словарях, но известно, что *Бренн* по своему происхождению галльское имя, которое носил вождь сенонов, возглавивший поход галлов на Рим. Заметим, что в тексте романа «Тот, кого я всегда жду» героям сложно понять иноязычные имена:

«Мне некогда было раздумывать об именах, что они все тут носили. **Бренн, Велета, теперь ещё Хаген**».¹¹ Именно эта фраза является авторским указанием на чужеземцев.

Этимология имен дается автором в тексте достаточно кратко, но прозрачно. Например, поясняется, что вождя назвали в честь великого человека:

«**Бренн** – это Наносящий Удар. В его роду так звали вождя, ходившего походом на Рим. Это было очень давно».¹²

Его побратиму родители подарили, как пишет М. Семенова, имя «здоровое и сильное», что отличается от изначального перевода со значением «правитель»:

«**Якко** значит **Здоровый**. Он слабеньким родился, нарекли, чтоб не скорбел».¹³

По авторскому замыслу, славянские имена, полученные чужеземцами при переселении, тоже наполнены глубоким смыслом: *Бренн* получает имя *Мстивой*:

«**Мстивой**, подумала я. **Мстящий Воин**. Хорошее прозвище для вождя».¹⁴

Прозвище *Ломаный* дается ему после страшной трагедии, произошедшей с его семьёй, надломившей, но не сломавшей дух воина.

Зачастую полное имя и прозвище в произведении используется только в контекстах, указывающих на мудрость героя, его силу и право на власть (в этом смысле это сродни именованию по имени-отчеству, которое в русской культуре является знаком уважения и почтения к адресату):

- «**Мстивой Ломаный** держал слово...»,¹⁵

⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 48.

¹⁰ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 44.

¹¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 73.

¹² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 119.

¹³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 119.

¹⁴ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 20.

¹⁵ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 25.

- *«Мстивой Ломаный редко шутил сам...»*.¹⁶

Велета (как младшая сестра, самая мудрая и спокойная из всех членов семьи, несмотря на свой юный возраст) не берёт в романе нового имени, но отдается новому миру без остатка:

«Велета верила в мою невиновность и не сомневалась, что победит. Мы тоже верили – морская вода рассудит по Правде и не сделает ей хуже».¹⁷

Таким образом, имя героини согласуется с характером именуемого персонажа. Близкий друг *Зимы*, суженый *Велеты Ярун* имеет в романе, помимо этого славянского имени, еще одно имя – *Андом*, что означало «подарок». Имя *Ярун* является дохристианским, славянским по своему происхождению и имеет в основе корень *яр-*, который в древнерусском языке означал «ярый, храбрый, сильный»¹⁸. Именно таким воином он себя и проявляет в романе.

Не единожды в повествовании появляется герой по имени *Нежата*. Данное славянское имя происходит от слова со значением «нежный, нега» (корень *неж-*). Это человек по природе по-настоящему ласковый и добрый:

*«Рада была слушать разговорчивого Нежату. Мне очень хотелось его расспросить...»*¹⁹

Вероятно, оно является плодом фантазии самой писательницы.

Ещё одно яркое имя в романе «Тот, кого я всегда жду» – *Блуд*. Данное имя – славянское и имеет значение «тот, кто блуждает, блудит; блудёный, соблюждённый, воспитанный под наблюдением»²⁰:

*«Блуд – Ходящий Опричь! Хорошее назвище. Другое уже навряд ли пристанет»*²¹.

Помимо антропонимов, в произведениях М. Семеновой употребляются славянские языческие теонимы (имена богов):

- *«Даждьбог немигающим глазом смотрел из-за вершин»*²²;
- *«Не приведи Рожаницы, прихватит морозом, вдруг шелушиться начнут»*.²³

Таким образом, систему собственных имен в произведениях М. Семеновой можно считать достаточно явной «формой присутствия» автора в тексте. Автор волен выбрать то или иное имя, служащее для характеристики героя, местности, в которой он проживает или из которой он родом.

Выделяются две группы антропонимов, которые использует Мария Семенова в своих произведениях: славянские и иноязычные, при этом в романе «Тот, кого я всегда жду» преобладают славянские имена из общего количества антропонимов. Это неудивительно, так как иноязычные слова в большей мере представляют прошлое героев, о котором упоминается

¹⁶ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 107.

¹⁷ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 156.

¹⁸ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998, – т.IV, с. 563.

¹⁹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 30.

²⁰ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998, – т.I, с. 86.

²¹ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 89.

²² Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 48.

²³ Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014 – 382 с., с. 49.

редко. Помимо этого, нами зафиксирован набор славянских *теонимов*, представляющий пантеон основных языческих богов, таких как *Даждьбог, Рожаницы, Перун и иные*.

Таким образом, антропонимика играет в произведениях М. Семеновой сюжетобразующую роль и составляет значимую часть художественной картины мира автора в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко, М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса / М.В. Карпенко. – Одесса: Одес. гос. ун-т, 1970. – 42 с.
2. Силаева, Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» / Г.А. Силаева // Русская ономастика. Рязань, 1977. – С. 152–157.
3. Кошарная, С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / Отв. ред. И.И. Ревзин. – М.: Наука, 1974. – 245 с.
6. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
7. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю. Русский язык и культура речи. – М.: Проспект, 2006.
8. Коурова О.И. Традиционно-поэтические слова и обороты как лексико-фразеологическая парадигма // Слово памяти: Мемориальный сб. статей, посвященный А.К. Панфилову. – М.: МПГУ, 2003. – С. 74–80.
9. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. ИЯВШ. – 1981. – N 1. 1980. – No 6. С. 47–50.
10. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. – М., 1988. – 231 с.
11. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.

Boldyreva Sofiya Mikhailovna

«Lyceum №9» of the city of Belgorod, Belgorod, Russia
Belgorod national research university, Belgorod, Russia
E-mail: sofkasov@yandex.ru

Folklore and pseudo-folklore anthroponyms and their role in the novels of M. Semenova

Abstract. This article is devoted to the analysis of folklore and pseudo-folklore anthroponyms in the works of M. Semenova. The novel collected linguistic material analysis suggests that these linguistic units also represent the linguistic picture of the author's world, playing the style-forming factor role. Maria Semenova, creating her novels in a completely new subgenre called "Slavic fantasy", actively uses folk-poetry and pseudo-folk vocabulary in the speech-making process, which allows the reader to experience the richness of Russian national language.

In M. Semenova's novels, the people's life is shown in their constant communication with each other, with nature, etc. Generic names in Ancient Russia period were a characteristic of men. The author doesn't lose this tradition, it is reflected in the choice of lexical means. Anthroponymy in the works is very extensive, it includes stylized proper names of the period of Ancient Russia.

Moreover, we have identified two groups of anthroponyms used by the author in her works: slavic and foreign names. In the novel "The One I'm Always Waiting For" from the total anthroponyms number (42 names), Slavic names (ancient pagans: Zhdan, Zhelan etc., as well as pseudo-folklore ones, constructed by the author according to the model of folklore names: Nezhata, Veleta, etc.) amounted to 33 units, and foreign names – 9 nominees. At the same time, the few foreign names represent a group of anthroponyms that mainly represent the past of the heroes. These heroes in the "new" life choose their new – Slavic – names. In addition, we recorded 9 Slavic theonyms.

Keywords: folk poetic vocabulary; linguistic picture of the world; pseudo-folklore vocabulary; pseudo-folklore anthroponyms; anthroponyms; anthroponymy; folklore; stylization; M. Semenova; Slavic fantasy

REFERENCES

1. Karpenko M.V. (1970). *Russkaya antroponimika. [Russian anthroponymy.]* Odessa: Odessa State University, p. 42.
2. Silaeva G.A. (1977). O soderzhanii ponyatiya «literaturnyy antroponim». [*On the content of the concept of "literary anthroponym".*] Ryazan, pp. 152–157.
3. Kosharnaya S.A. (2002). Mif i yazyk: Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira. [*Myth and language: The experience of linguocultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world.*] Belgorod: Publishing House Belgorod State University, p. 288.
4. Arutyunova N.D. (1999). Yazyk i mir cheloveka. [*The language and the world of man.*] Moscow: Languages of Russian Culture, p. 896.
5. Ivanov V.V., Toporov V.N. (1974). Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov. Ed. by I.I. Revzin. [*Research in Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction.*] Moscow: The science, p. 245.

6. Tolstoy N.I. (1995). Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i ehtnolingvistike. [*Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics.*] Moscow: Indrik, p. 509.
7. Ippolitova N.A., Knyazeva O.Yu. (2006). Russkiy yazyk i kul'tura rechi. [*Russian language and culture of speech.*] Moscow: Avenue.
8. Kourova O.I. (2003). Traditsionno-poeticheskie slova i oboroty kak leksiko-frazeologicheskaya paradigma. [*Traditional poetic words and phrases as a lexical and phraseological paradigm.*] Moscow: Moscow State Pedagogical University, pp. 74–80.
9. Tomakhin G.D. (1980). Realities in Culture and Language. *Foreign languages in high school*, 6, pp. 47–50 (in Russian).
10. Koporskaya E.S. (1988). Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni. [*The semantic history of Slavism in the Russian literary language of modern times.*] Moscow, pp. 231.
11. Kolesov V.V. (1986). Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. [*The world of man in the word of Ancient Russia.*] Leningrad: Publishing House Leningrad State University, p. 312.